

U $\frac{18}{25}$

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ
ВОСПОМИНАНІЯ
АРТИЛЕРІЙСЬКАГО ОФІЦЕРА.

СОЧИНЕНІЕ.

Е. Р. Ш — О В А.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1858.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ ВОСПОМІНАНІЯ.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЯ
ВОСПОМИНАНІЯ
АРТИЛЛЕРІЙСКАГО ОФИЦЕРА.

СОЧИНЕНІЕ

Е. Р. Ш—ОВА.

ВЪ СЕМИ ТЕТРАДЯХЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

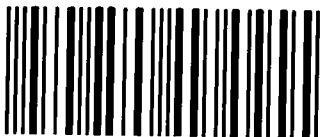
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ. 14 Ноября 1857 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАВА ОТДѢЛЪН. КОРП. ВНУТРЕН. СТРАЖИ.

2007111294

Посвящается

Александру Васильевичу

ДРУЖИНИНУ.

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ.

Прїѣздъ. — Первое посѣщеніе бастионовъ.

Я самъ напросился въ Севастополь, — и говорю безъ преувеличенія: день, въ который я узналъ, что ѣду на мѣсто военныхъ дѣйствій, былъ едва ли не счастливѣйшимъ въ моей жизни. Что-то непреодолимое влекло меня къ Севастополю. Я былъ очень и очень молодъ, — я еще не сознавалъ той великой истины, что настоящій военный человѣкъ никуда не просится, ни отчего не отказывается, а тихо дѣлаетъ свое дѣло, вездѣ, гдѣ придется. По моимъ юношескимъ понятіямъ я не могъ не рваться къ Севастополю всей душой моею.

Быть тамъ, участвовать въ знаменитыхъ дѣлахъ, видѣть настоящую войну, о которой я съ дѣтства такъ много читалъ и думалъ, все это ставило меня высоко передъ собственными же глазами. — И прощанья, и тягостный день отъѣзда, и холодъ, и утомительная дорога, все было скрашено мыслью о томъ, что я ѣду въ Севастополь.

Съ трепещущимъ сердцемъ, весь отдавшись какой-то непонятной радости, охватывавшей весь составъ мой, и въ которой не могъ я дать себѣ отчета, съ самодовольствіемъ почти дѣтскимъ, но все-таки возвышающимъ душу, каждую минуту говоря себѣ, что вотъ скоро, скоро на самомъ дѣлѣ я буду дѣйствующимъ лицомъ величайшей военной драмы, — подѣзжалъ я къ Севастополю въ глухую декабрьскую полночь. До сихъ-поръ радостно мнѣ вспомнить объ этой ночи, хотя я прожилъ много съ того времени, видѣлъ крови больше, чѣмъ могъ ожидать, — и, конечно, навсегда отдалился отъ первыхъ впечатлѣній моей порывистой молодости.

Съ наступленіемъ темноты, выстрѣлы стали слышны, отчетливо доносились по вѣтру перека-ты каждаго выстрѣла; нрѣдко въ одно время съ шуми слышался въ воздухъ глухой трескъ лопнувшего разрывнаго снаряда. Бомбы, кидаемыя нрѣдка, падучею звѣздою обозначались на черномъ фонѣ ночной дали, а въ слѣдъ за тѣмъ быстрая вспышка огня на мгновеніе загоралась въ томъ или другомъ направленіи.

Это была настоящая война, это были настоящія бомбы, убивавшія людей и сдѣланныя Богъ знаетъ гдѣ для такой цѣли.

Жаднымъ взоромъ и слухомъ слѣдилъ я за ними, невольно приподымаясь на телегѣ, вытягивая шею, стараясь все разслышать и разглядѣть, съ ощущеніемъ невѣроятнаго душевнаго волненія.

По мнѣ—меня окружала дивная поэзія.—Я никогда не считалъ себя храбрѣе другихъ людей, и дальнѣйшій мой рассказъ покажетъ, что не всегда видъ опасности пробуждалъ во мнѣ чувство дѣтскаго восторга. Но въ эту ночь оно было такъ: мало того, что я не думалъ о ранахъ, о смерти, обо всемъ горь,—но я не повѣрилъ бы ни во что худое для меня собственно. Даже мысль о томъ, что я могу быть убитъ завтра, въ своей квартирѣ, при первомъ обходѣ укрѣпленій, меня не касалась. Увидѣть Севастополь, примкнуть къ ряду его защитниковъ — и тотчасъ же быть убитымъ — какой вздоръ! Неужели для этого я ѣхалъ такъ долго и кончаю мой путь такъ весело?

И такъ вотъ онъ, этотъ знаменитый Севастополь, о которомъ думаетъ Россія,—Европа,—весь свѣтъ даже! этотъ Севастополь, думалъ я въ восторгъ,—въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня; я вижу молніи отъ выстрѣловъ, я слышу отдаленный говоръ русскихъ, французскихъ, англійскихъ пушекъ! Не далѣе, какъ завтра я

самъ проснулся въ городѣ, пойду по бастіонамъ, сдѣлаюсь въ самомъ дѣлѣ участникомъ защиты Севастополя,—нѣтъ, все это мнѣ кажется, какъ послѣ разговора о пынѣвшей войнѣ, бредомъ восторженнаго мальчика, всю жизнь свою игравшаго въ солдатики! И я благодарилъ судьбу за то, что я не сплю, что Севастополь не во снѣ мнѣ приснился.

Медленно тащила мою повозку тройка, съ трудомъ подаваясь впередъ, по глубокой топи грязи, не смотря на то, что я былъ одинъ и вся поклажа заключалась въ чемоданъ, складной желѣзной кровати, да касачномъ ящикѣ.

Хотя и по дорогѣ, но можно сказать—бредли мы на удалую, во мглѣ темной ночи и по совершенной слякоти, съ рытвинами и ямами, въ которыя лошади уходили по самую грудь.

Зловоніе, отъ лежащей по сторонамъ надали,—слѣдствіе немовѣрно дурной дороги,—въ иныхъ мѣстахъ было нестерпимо. Зажавши носъ и сдерживая дыханіе, надо было провѣзжать пространство, зараженное вредными миазмами.

Ящикъ мой равнодушно покуривалъ себя коротенькую трубочку, время отъ времени постегивая свою усталую, залышенную грязью, жалкую тройку, — безъ колокольчика даже.

Провѣхавши лагерь на Бельбекѣ и нѣсколько меньшихъ у начала сѣверной стороны, завидѣлись парусныя балаганы, сквозившіе свѣтомъ.

Мы въѣхали на самую сѣверную.

Теперь ясно слышался даже трескъ лопавшихся бомбъ и гранатъ, а выстрѣлы казались какъ-бы чаще.

«А нонече супостатъ больно поналѣгъ; знать порѣшеніе какое задумываетъ,» проговорилъ мой ямщикъ, запрягая трубку въ голенищи. Ямщикомъ моимъ на этотъ разъ былъ русскій мужичокъ, съ клинообразной русой бородкой.

Выведенный изъ раздумья его замѣчаніемъ, я хотѣлъ поразспросить его кой о чемъ,—но онъ снова заговорилъ, обратясь ко мнѣ:

— «А куды ваше благородіе захватъ-то? На станцію что-ль, аль къ маркитану? На станціи-то, прибавилъ онъ, очень плоховато;—почитай что и окошки повывбиты.»

Впрочемъ, и самъ я не могъ вывести хорошаго заключенія о севастопольской почтовой станціи, зная по опыту, какъ отъ непомернаго гона разстроены онъ все съ самаго Перекопа, а подъ Севастополемъ приведены въ совершенно-жалкое положеніе.

Ѣхавши въ сторону къ Севастополю, начп-

ная со второй или третьей станціи передъ Симферополемъ, можно было получить лошадей, или какимъ-то чудомъ, или же по особому какому ухищренію; напримѣръ: тайкомъ давая деньги обратному ямщику; хотя ямщикамъ, по случаю большаго разгона, строжайше запрещено было брать съдоковъ.

Часто многіе проѣзжающіе, соскучившись сидѣть нѣсколько дней на одной станціи, отправлялись въ путь, нанимая воловъ, татарскихъ клячъ, и даже верблюдовъ; при чемъ постоянный экипажъ былъ—татарская двухъ-колесная арба или маджара.

Подъ пронзительный скрипъ этой колесницы и отвратительные голоса пары верблюдовъ, пронутешествовалъ и я цѣлыхъ двѣ станціи, за тройные, противъ настоящихъ, прогоны.

Вскорѣ доплылъ мой ямщикъ, по грязи, къ большому наусному балагану, больше всѣхъ свѣтившемуся издали путеводною звѣздою, между лабиринта палатокъ, землянокъ, балагановъ, складовъ и т. п.

Это былъ балаганъ перваго маркитанта на сѣверной сторонѣ, купца Серебряникова. У него-то мы и остановились.

Меня приняли привѣтливо, указавъ мнѣ для ночлега другое маленькое отдѣленіе балагана,

съ прилаженною въ немъ небольшою чугуною печью.

Тамъ спали уже трое прїѣзжихъ: двое офицеровъ и одинъ докторъ, расположась въ новалку на подосланномъ на сырой землѣ коврѣ.

Сырость и промозглость тогдашней декабрьской крымской почвѣ казались въ балаганѣ ощутительнѣе, нежели на самомъ дворѣ.

Отъ Москвы и до теперешняго своего правила, довелось мнѣ ночевать только два раза, и то одѣтымъ. Теперь мнѣ невыразимо-прїятно бы было—раздѣвшись, лечь въ чистую, мягкую постель.

Это представлялось мнѣ высшимъ блаженствомъ, казалось почти волшебной мечтою, одною изъ тѣхъ грезъ, которыя хотя и поражаютъ въ сокровенной глубинѣ человека, но постоянно считаются чѣмъ — то фантастическимъ.

Я такъ усталъ, что, не смотря на крайній для меня интересъ Севастополя, — мнѣ было не до разспросовъ. Недавнее чувство восторга и бодрости смѣнились полнымъ изнеможеніемъ. Глаза мои закрывались сами собою.

Наскоро проглотивъ стаканъ теплаго чая съ виномъ, не раздѣваясь, въ промокшихъ и грязныхъ сапогахъ, улегся я возлѣ спавшихъ офи-

церовъ, дрожа отъ пронизавшей меня сырости, но скоро это непріятное ощущеніе исчезло.

Глаза мои слѣпились, въ головѣ промелькнула мысль о томъ, что я не соглашусь раскрыть ихъ ни за всю сокровища міра. Потомъ я какъ-то лѣнливо подумалъ: «а вѣдь я въ Севастополь», и за тѣмъ заснулъ какъ убитый.

И пріятность ночлега, и все эти различныя по-видимому, мелочи, но цѣнныя очень въ дорогѣ, — пойметъ всякій, кому, какъ мнѣ, приходилось сдѣлать до трехъ тысячъ верстъ, и не все по шоссе, а по скверной, грязной дорогѣ, съ прочими неудобствами пути, при разстроенныхъ станціяхъ.

Ужасный шумъ и говоръ въ другомъ отдѣленіи, за живою парусной перегородкой, пла, лучше, завѣсомъ, разбудили меня поутру.

Тамъ толпа офицеровъ, закусывала, пила чай, вино, завтракала, лакомилась. Босвымъ рассказамъ не было конца. Въ числѣ посѣтителей находилось человекъ пять раненыхъ съ перевязками на головѣ и подвязанными руками.

Съ невольнымъ почтеніемъ глядѣлъ я на разскащиковъ, къ раненымъ же я просто ощущалъ благоговѣніе, невыразимое словомъ.

Былъ часъ одиннадцатый утра; пора была